

шие за последние 10 лет, которые он в первом томе почти совершенно не использовал, а во втором привлек в недостаточной степени. В первую очередь это относится к трудам А. А. Иессена¹, который убедительно доказал значение местных типов кобанских топоров. Не стал бы тогда автор, вероятно, настаивать и на своем утверждении, что наконечники копий не характерны для кобанской культуры.

Сохраняется недостаток, справедливо отмеченный в свое время Т. С. Пассек в рецензии на «Археологические раскопки и Триалети»²: Б. А. Куфтин при установлении датировок и определении того или иного археологического памятника часто принимает во внимание не весь комплекс, а только отдельные памятники. Следует отметить обилие опечаток. Их значительно больше, чем указано в списках, несмотря на то, что во втором томе имеется два списка опечаток. Далеко несовершенны и клише: некоторые фотографии просто неразличимы. Доступность изложения постоянно ограничивается тяжелым языком, не всегда оправданными отступлениями и перегруженностью излишними аналогиями. Но главный недостаток обоих томов — непреодоленность их автором марровских «теорий». Необходимо требовать от Б. А. Куфтина самокритического разбора допущенных методологических ошибок и решительного отхода от его марровских взглядов.

И. С. Кацнельсон

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ, Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв., Издательство АН СССР, 1951, 410 стр., тираж 7000 экз., цена 21 руб.

В советской исторической литературе общепризнано, что одной из существенных особенностей экономической жизни восточных областей Римской империи было значительно большее, чем на Западе, развитие торговли, внутренней и внешней. Общеизвестно также, что эта особенность не могла не оказать влияния на процесс разложения рабовладельческого строя в восточном Средиземноморье и на оформление византийского, а отчасти и арабского феодализма. Несомненно поэтому, что исследование восточно-средиземноморской, в первую очередь, византийской торговли эпохи перехода от рабовладения к феодализму представляет выдающийся научный интерес.

До настоящего времени, однако, мы не имели ни одной монографии, посвященной этой проблеме. Дело в том, что изучение византийской торговли, ее характера и размеров, ее связи с другими экономическими и социальными явлениями того периода невозможно на основании только греческих и латинских источников. Византийская империя, подобно другим империям рабского и средневекового периодов, представляла «... конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»³. Некоторые из этих народностей, в частности, населявшие восточные провинции, например, сирийцы, евреи, играли очень активную роль в торговом обмене. Естественно, что без использования памятников, сохранившихся от этих народностей и написанных преимущественно на их языках, никакое исследование византийской торговли не может претендовать на научность и полноту. Еще более многоязычны источники по истории внешней торговли Византии, поскольку в их состав в обязательном порядке входят иранские, южноарабские, кавказские и даже среднеазиатские памятники. Все это требует от исследователя филологической подготовки очень широкого диапазона.

¹ См., например, А. А. И е с с е н, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.

² ВДИ, 1946, № 1, стр. 147—157.

³ Н. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

Автор рецензируемой работы, сириолог и византист, много лет работающий в области экономической и социальной истории Ближнего Востока в IV—VII вв., имеет возможность пользоваться большинством этих источников в подлинниках. Понятно, что его новая книга не может не вызвать живейшего интереса у всех историков Византии и Ближнего Востока, исследующих этот период.

Ввиду почти полной неразработанности вопроса автор естественно и совершенно правильно обратил особое внимание на подбор и характеристику источников, из которых можно почерпнуть те или иные сведения о торговле, ее организации и о торговых путях в IV—VI вв. Историографическая часть работы, бесспорно, наиболее интересная. Глубокая эрудиция автора в области византийской и сирийской письменности дала ему возможность привлечь к исследованию самые разнообразные материалы. Наряду с памятниками, непосредственно посвященными описанию экономической географии империи, такими, как, скажем, «Полное описание мира и народов» (*Expositio totius mundi et gentium*), широко использованы памятники юридические (например, Новеллы Юстиниана, Дигесты), историографические (труды Прокопия Кесарийского, Хроника Малалы, провинциальные хроники и др.), итинерарии и им подобные произведения (например, Карта Кастория — *Tabula Peutingeriana* и так называемые «Подорожные Эдема»), сочинения церковных писателей («Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Церковная история» Филосторгия, «*Apophthegmata patrum*» Палладия, «Лимонарий» Мосха и другие синокарии) и даже повествовательная литература (например, роман Псевдо-Калисфена об Александре Македонском). В отдельных случаях для уточнения данных памятников письменности привлечены археологические материалы, хотя, по видимому, автор и не ставил себе целью сколько-нибудь полно использовать эту разновидность источников.

С особой тщательностью автор останавливается на наиболее крупных памятниках, таких, как «Полное описание мира и народов», «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и некоторых других, посвящая им специальные очерки. В противовес буржуазным ученым, обычно ограничивавшимся формально-филологическим обзором этих произведений, Н. В. Пигулевская совершенно правильно делает упор на выяснение их реального содержания и социального лица их авторов.

Очень интересно, например, задуман анализ «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова (стр. 129—156). В отличие от всех предшествующих исследователей, обращавших главное внимание на космографическую часть «Христианской топографии», Н. В. Пигулевская очень удачно вскрыла «противоречия теоретических положений и непосредственного опыта у Козьмы Индикоплова» (стр. 147 сл.). Она показала, что «Козьма консервативен в своей теории, но практическая, вернее описательная часть его труда представляет большой интерес: это — живое описание мест, где он побывал сам» (стр. 148). Этот вывод получает тем большую убедительность, что он сделан не только на основании сопоставления сочинения Козьмы с другими литературными памятниками эпохи (например, с «Полным описанием мира», с «Подорожными Эдема», с сообщениями Филосторгия и др.), но и на основании анализа социальной среды, практическим интересам и взглядам которой соответствовала «Христианская топография». «Классовые корни этого труда,— пишет Н. В. Пигулевская,— уходят в средние торговые и ремесленные слои городского населения Византии, те слои, которые способствовали развитию товарно-денежных отношений в городских центрах» (стр. 155). Из их среды выходили люди, совершавшие, подобно Козьме Индикоплову, далекие заморские путешествия и прекрасно знакомые поэтому с жизнью и бытом восточных и юго-восточных стран, но в вопросах мироздания вполне довольствовавшиеся библейскими представлениями.

Как одну из положительных черт исследовательского метода Н. В. Пигулевской следует отметить ее стремление показать, что источники по истории торговли не были одиночными, случайными произведениями, обязанными своим появлением только лишь индивидуальной любознательности их авторов. Всюду, где только это возможно, Н. В. Пигулевская старается установить связь между этими источниками и показывает, что все они так или иначе входили «в определенную светскую литературную

струю» (стр. 155), порожденную глубокими жизненными интересами различных слоев византийского общества.

В некоторых случаях Н. В. Пигулевская обращает особое внимание на выяснение этнической принадлежности автора источника. Большое значение это имеет при анализе памятников, написанных на греческом или латинском языках, поскольку буржуазные историки, пытаясь исторически «обосновать» свои националистические идеи об «избранных» и «неизбранных» народах, обычно безоговорочно приписывают все эти памятники творчеству одной греческой народности. Подлинно-научное исследование показывает, однако, что многие из них написаны жителями провинций, лишь использовавшими греческий или латинский язык как официальный язык империи. Так, например, после работы Н. В. Пигулевской уже не может быть сомнения, что автором такого выдающегося памятника, как «*Expositio totius mundi*», был купец-сириец, живший в середине IV в. н. э. (см. стр. 37 сл.). Сирийское влияние прослеживается автором и в других памятниках, написанных на греческом языке — в «Христианской топографии», в «Подорожных Эдема» и т. д. (стр. 133, 139, 154 и др.).

Таким образом, Н. В. Пигулевской вполне убедительно удалось показать, что в общем фонде сохранившихся письменных памятников эпохи ученый-марксист может найти обильный материал не только для характеристики общего уровня византийской торговли, но и для выяснения ее особенностей по отдельным областям империи. Последнее особенно важно теперь, когда в свете указаний товарища Сталина о характере империй рабского и средневекового периодов стало совершенно ясно, что научная социально-экономическая история Византии не может быть создана иначе, как на основе изучения экономической и социальной жизни отдельных племен и народностей, населявших империю.

Кроме источников, непосредственно относящихся к торговле в Византии, в рецензируемой работе рассматривается целый ряд материалов, свидетельствующих, что и внешняя политика империи очень часто определялась именно торговыми интересами господствующего класса. Как бы дополняя, а отчасти и используя источниковедческую часть своих предшествующих монографий¹, Н. В. Пигулевская на этот раз останавливается главным образом на источниках, повествующих о борьбе за северный торгово-караванный путь — «путь шелка», шедший через Кавказ и Среднюю Азию (стр. 184—211), и южный «путь благовоний», связывавший Византию через южную Аравию и Эфиопию с Индией и восточным побережьем экваториальной Африки (стр. 162—183 и 215—259).

О торговых путях Кавказа — западной оконечности «шелковой дороги» — и о борьбе за них имеется уже целый ряд работ акад. Я. А. Манандяна, С. Т. Еремяна и других советских ученых. Гораздо менее исследован среднеазиатский участок этой дороги. Буржуазные историки обычно интересовались лишь направлением торговых путей, обходя почти полным молчанием роль местного среднеазиатского населения в международной торговле того времени. Поэтому они не могли правильно оценить значение сообщений Менаандра и Феофилакта Симокатты о византийских посольствах в Среднюю Азию. Используя новейшие работы советских археологов: С. П. Толстова (о Хорезме), А. Ю. Якубовского (о согдийско-таджикской археологической экспедиции) и А. Н. Бернштама (о Семиречье), Н. В. Пигулевская в специальном разделе «Средняя Азия и торговля шелком» (стр. 195—211) обрисовала широкие международные связи среднеазиатских городов с Ираном, Индией, Китаем, Южной Сибирью и Византией. Этот фон дал ей возможность правильно раскрыть социально-экономическое содержание фрагментарных сообщений упомянутых выше греческих источников и показать, что византийские посольства в Среднюю Азию не были чем-то случайным, а являлись одним из методов планомерной борьбы за северный торговый путь.

Наиболее обширный круг источников подобран автором для характеристики ви-

¹ «Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э.», 1940 г.; «Сирийские источники по истории народов СССР», 1941 г.; «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.», 1946 г.

зантийской политики в Химьяре, одном из южноаравийских государств, игравшем роль важного «перепутья» на путях в Индию. Привлечены не только византийские и сирийские памятники (Иоанн Малала, Прокопий Кесарийский, Нонн, «Мученичество Арефы», «Законы химьяритов», «Книга химьяритов», «Послание Симеона Бетаршамского», хроника Дионисия Тельмахрского, послание Иакова Серугского и др.), но и сообщения арабских историков (Табари, Абу-л-фида, Ибн-Халдун), эфиопские легенды и некоторые южноаравийские надписи (стр. 215—259). Эти памятники дают отчетливое представление о разнообразных методах византийской внешней политики в Южной Аравии. Константинопольское правительство не раз—и не безуспешно—пыталось подчинить Химьяр своему влиянию при помощи эфиопских войск. Оно стремилось к этой же цели, распространяя в Химьяре христианство и стараясь привить там византийские юридические нормы. Но побудительной причиной всех этих действий было одно—стремление закрепить за собой важнейшую торговую магистраль в Индию, вытеснив оттуда своего основного конкурента — Иран.

Несомненно, что обилие и разнообразие материалов, привлеченных автором для исследования этого, так сказать, внешнеполитического аспекта истории византийской торговли, и четкость метода исследования источников обеспечивают и за этой частью рецензируемой работы выдающееся место в новейшей советской историографии IV—VI вв. н. э.

Значительная часть книги посвящена характеристике социальных отношений в Византии и в торговавших с нею странах, главным образом Южной Аравии (стр. 15—32, 336—407 и др.). В марксистском исследовании истории торговли анализ социально-экономического строя общества, торговля которого исследуется, абсолютно необходим, ибо, как совершенно справедливо пишет автор, «значение и роль торговли во всем ее объеме могут быть оценены лишь при целостном изучении экономических и социальных явлений, в связи с классовой борьбой, с характером общественных отношений эпохи, с глубокими изменениями, которые в них происходили» (стр. 12).

К сожалению, содержание этой части работы не связано органически с основной темой исследования и не обладает необходимой полнотой и четкостью. Так, например, очерк «Социальная характеристика Византии в IV—VI вв. н. э.» является почти дословной перепечаткой статьи того же автора из первого раздела «Сборника документов по социально-экономической истории Византии», изданного в качестве учебного пособия для студентов и учителей. Ясно, что, если бы даже эта статья, задуманная как вводная к документам, и не обладала рядом существенных недостатков — в ней, в частности, не была достаточно конкретно и отчетливо показана роль и значение восстаний рабов и колонов в ускорении гибели рабовладельческого строя в Византийской империи,— то и тогда бы она по общей своей направленности не вполне соответствовала плану специального исследования по истории торговли. Ведь марксистская политическая экономия не только установила, что в докапиталистический период «...торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она заставляет...»¹, но и вполне отчетливо указала, что интенсивность этого разлагающего влияния «...в значительной степени зависит от природы производящего общества»². Следовательно, в очерке, специально посвященном истории торговли, основное внимание должно быть уделено не описанию правового положения тех или иных групп сельского или городского населения и методов их налогового обложения, а анализу «...прочности и ... внутреннего строя» (там же) рабовладельческого способа производства. Для исследования же, подобно рецензируемому, посвященного истории торговли в период общего кризиса рабовладения, особенно необходимо было остановиться на формах и степени разложения рабовладельческого способа производства, показав тем самым, что рабовладельческий способ производства потерял уже свою «прочность». Без этого совершенно невозможно понять, почему «в античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результа-

¹ К. Маркс, Капитал, М., 1950, т. III, ч. 1, стр. 344.

² Там же, стр. 342.

том рабовладельческое хозяйство»¹, а в IV—VI вв. н. э. «...разложение старых отношений собственности...», тоже связанное «...с развитием денежного богатства—торговли и т. д. ... привело на деле к господству деревни над городом»², т. е. к оформлению феодальных отношений.

Насколько необходимо было с большей внимательностью отнестись к теоретическим вопросам политической экономии рабовладельческой формации, выразительно свидетельствуют те страницы «Заклучения», которые по замыслу автора должны были явиться обобщением всего собранного в книге конкретного материала о характере и размерах византийской торговли (стр. 385—396). Здесь, желая показать роль торговли в развитии экономических и социальных явлений эпохи, автор, во-первых, далеко не всегда соблюдает необходимую тщательность в использовании политико-экономической терминологии и, во-вторых, недостаточно точно излагает мысли К. Маркса. Примером первого может служить неоднократное определение византийской торговли как «посреднической» (см., например, стр. 387, 388, 391 и др.). Если только на стр. 387 не описка — вместо «посредническая торговля», возможно, должно быть «посредничество торговли», — то как согласовать эту характеристику с той картиной развития ремесла в сирийских, египетских и других городах империи, которую дает сам же автор на основании «Полного описания мира и народов» и других памятников?

Ярким образцом неточной передачи мыслей Маркса может служить утверждение автора о том, что будто бы «К. Маркс указывал, что в Риме развитие торговли „с о - п р о в о ж д а л о с ь (разрядка моя.—З. У.) высоким развитием промыслов“» (стр. 390—391). В действительности у Маркса написано диаметрально противоположное: «В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии»³. Цитируемые же автором слова «...сопровождалось высоким развитием промыслов» — относятся к развитию торговли «...в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии...»⁴, развитие которой Маркс прямо противопоставлял развитию торговли в Риме.

Противоречивое впечатление производит и характеристика социального строя Южной Аравии, которую автор дает главным образом на примере общественных отношений в Неджране, одном из крупных южноаравийских городов. Отметим прежде всего внутреннюю противоречивость очерка, посвященного Неджрану (стр. 336—384). Весь фактический материал очерка показывает, что Неджран был типичным торговым или, по терминологии автора, — «караванным» городом-государством и «...рос в особых экономических условиях, так как торговля, наличие денежных отношений и ростовщичество создавали благоприятные условия для его развития» (стр. 336). Материал, следовательно, полностью подтверждает цитируемое автором указание Маркса о том, что в рабовладельческий период на Востоке города в собственном смысле слова возникали «...только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли»⁵. Автор поэтому совершенно прав, утверждая, что «характеристика общественных отношений Неджрана, как одного из крупных городских центров южной Аравии, может быть обобщена», что эти отношения следует рассматривать «как тип отношений на определенной стадии хозяйственного и социального развития караванных городов» и что именно «в таком аспекте история Неджрана и его общественная структура приобретают особый интерес» (стр. 337 сл.). Но наряду с этим, в других

¹ Там же, стр. 344. (Разрядка моя. — З. У.).

² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 42—43.

³ К. Маркс, *Капитал*, М., 1950, т. III, ч. 1, стр. 344.

⁴ Там же. О разрыве между развитием купеческого капитала и развитием промыслов в древнем Риме Маркс говорит и в 36 гл. III тома «Капитала». См. там же, стр. 607.

⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 7.

местах очерка автор явно пытается отрицать своеобразие развития Неджрана, настойчиво утверждая тождество общественного строя южноаравийских городов с общественным строем античных городов-государств Греции и Рима классического и эллинистического периодов (см., например, стр. 336, 375 и др.), как бы совершенно забыв прямое указание Маркса о том, что «история классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...»¹. Это тем более странно, что в первоначальном варианте этого очерка, опубликованном в 1949 г. в «Советском востоковедении», была дана иная и, надо признать, бесспорно более правильная характеристика общественного строя южноаравийских городов, которые рассматривались там как особая разновидность городов рабовладельческого периода². Изменив свою оценку места караванных городов в общей истории древнего мира, Н. В. Пигулевская не изменила, однако, сколько-нибудь существенно фактическое содержание основного текста очерка. Естественно, что при таких условиях очерк потерял внутреннюю монолитность, а следовательно, и убедительность.

Никак не способствует четкости характеристики общественного строя южноаравийских городов VI в. и то, что автор считает возможным сопоставлять различные стороны их жизни то с Киевской Русью (стр. 346 сл. и 361), то с так называемым царским периодом Рима (стр. 363)³.

Серьезным недостатком этого очерка, как, впрочем, почти всех других разделов книги, является полное отсутствие критики буржуазной историографии. Автор почему-то счел возможным исключить даже те критические замечания о работах Ламменса, Хартмана, Родоканакиса и некоторых других буржуазных ученых, которые имелись в первоначальном варианте⁴. Их, правда, и там было не много, но некоторые из них, несмотря на всю свою краткость, бесспорно, имели весьма существенное значение. Достаточно указать на критику, на основании вновь опубликованных южноаравийских надписей, явно тенденциозного утверждения Хартмана о том, что будто бы в южноаравийском языке не было термина, выражающего понятие рода (клана)⁵.

Мало внимания внутренним отношениям в южной Аравии уделяет автор и в очерке «Эфиопия и Химьяр в V—VI вв. н. э.» (стр. 260—335). Все перипетии кушисто-химьяритских войн VI в. рассматриваются здесь и с к л ю ч и т е л ь н о с точки зрения внешних причин — ирано-византийского соперничества — хотя уже около ста лет тому назад Энгельс указывал, что изгнание аюссинцев из Южной Аравии «...было первым актом пробудившегося арабского национального самосознания...»⁶ и считал это событие одним из моментов становления феодализма у арабов. Неразъясненными остались поэтому и те очень интересные упоминания о борьбе между «низами» и «верхами» в Неджране (например, стр. 286), а также о восстаниях в войсках (стр. 314 и др.), которые имеются в рецензируемой книге. В работе Н. В. Пигулевской нет и классового анализа религиозной борьбы, кипевшей в южноаравийских городах.

Все наши замечания свидетельствуют, что основное внимание автора в данной работе сосредоточено не в области социально-экономических обобщений, а, повторяем, в области источниковедения. И именно в этом плане рецензируемая работа Н. В. Пигулевской является ценным вкладом в советскую историческую науку и бесспорно

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 13.

² См. «Советское востоковедение», т. VI (1949), стр. 226.

³ Кстати заметим, что в «Советском востоковедении» Н. В. Пигулевская сопоставляла царскую власть в южноаравийских городах не с властью царя в Риме, как это бесспорно следует из точного смысла текста на стр. 363 рецензируемой книги, а с властью римского императора (см. «Советское востоковедение», т. VI, стр. 213), что, понятно, тоже совершенно неправильно.

⁴ См. «Советское востоковедение», т. VI (1949), стр. 204, 216, 221.

⁵ Там же, стр. 216.

⁶ Письмо Энгельса Марксу от 6 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 495.

может быть широко использована как византинистами, так и историками ближневосточных стран, изучающими период перехода от древнего мира к средним векам, этот один из наиболее интересных и поучительных периодов истории.

З. В. Удальцова

ПИСЬМА ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО, Перевод М. Е. Сергеевко, А. И. Ловатура и В. С. Соколова. Примечания М. Е. Сергеевко и В. С. Соколова, М.—Л., изд. АН СССР, 1950, 578 стр., тираж 5000 экз., цена 24 р. 50 к.

Библиотека «Литературных памятников», издаваемая Академией Наук СССР, пополнилась еще одним произведением античной литературы — «Письмами Плиния Младшего». Полного перевода этих писем на русский язык до сих пор не существовало.

Письма Плиния Младшего, как указывает проф. М. Е. Сергеевко, «являются для нас драгоценнейшим источником для характеристики быта и нравов той эпохи» и «имеют для нас огромную историко-познавательную ценность» (стр. 466). Чтобы представить себе, какие серьезные изменения в государственном строе Рима произошли за те сто лет, которые отделяют год смерти Цицерона (43 г. до н. э.) от года рождения Плиния (61 г. н. э.), достаточно сравнить письма того и другого. По письмам Цицерона ясно видно, насколько богаче и ярче деятельность и общественная роль самого Цицерона, а также та эпоха крушения республики и рождения принципата, когда протекала его жизнь, чем время, когда жил Плиний (правление Домициана, Нервы и Траяна), и чем его общественная роль. Хотя Цицерон в действительности далеко не был столь великим и всемогущим политическим деятелем, каким он себе казался, но все же не только круг его деятельности, его друзей и врагов, но и его личный политический кругозор был шире, чем у Плиния, замкнутого в узком кругу служебных и литературных интересов. Угасание широкой общественной жизни и политических интересов в Риме, изменение роли судебных учреждений, превращение прежних выборных должностей в должности по назначению — все это ясно отражается в письмах Плиния. Правда, в этих же письмах отразились также и некоторые относительно положительные стороны императорского Рима; более четкое функционирование государственного аппарата, увеличившаяся ответственность судей и чиновников, интерес к провинциям и провинциалам, развитие гражданского права и т. п. Все эти явления можно заметить, читая не только X книгу писем — переписку Плиния, бывшего в 112 или 113 г. управителем Вифинии, с Траяном, но и многие другие его деловые письма. В постоянно сменяющемся содержании многочисленных писем, носящих литературный, повествовательный, описательный, философский и просто дружески-шутливый характер, живо и всесторонне раскрывается бытовая сторона императорского Рима, типичным представителем которого является автор писем.

Начавший свою служебную карьеру при Домициане, которого Плиний впоследствии не раз поминает злым словом, но при котором он успел все же пройти половину служебной лестницы (должности квестора, трибуна и претора), быстро возвысившийся при Нерве и Траяне, известный юрист и адвокат, преимущественно по гражданским делам, знаток и древней, и современной латинской, а также греческой литературы, осведомленный в философских вопросах, окруженный бесчисленными приятелями, покровительствующими и покровительствуемыми, Плиний является типичным представителем знати того времени.

Как и предыдущие тома «Литературных памятников», письма Плиния изданы и оформлены очень тщательно. Кроме десяти книг (стр. 7—354), в этот том вошел перевод единственного ¹ дошедшего до нас риторического произведения Плиния — «Панегирик

¹ Ни многочисленные речи Плиния, о которых он неоднократно упоминает в письмах, как об обработанных и опубликованных, ни сборник его стихотворений, выпущенный в свет им самим, до нас не дошли; только одно стихотворение приведено в письме 9 книги VII; о таланте оно не свидетельствует.